

СУДЬБЫ И КОНТУРЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С.Р. Матвеев

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.10.13016

ФРАНСУА ГИЗО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФИЛОСОФ

Аннотация. В данной статье проведен анализ политической философии французского интеллектуала и государственного деятеля Франсуа Гизо (1787–1874), ее истоков, методологических основ, ключевых принципов и центральных проблем в контексте социально-политической реальности посленаполеоновской Франции. Автор рассматривает подходы мыслителя к ключевым проблемам философского дискурса эпохи Реставрации (1814–1830): вопрос суверенитета, баланс между свободой и порядком, отношение к наследию Революции и его месту в политической системе Франции, противоречие между свободой и равенством. Ведущей методологией работы выступает история идей, принципы которой позволяют реконструировать интеллектуальную сеть Гизо, а также определить влияние его идей на последующих мыслителей. Обращение к теоретическому наследию Гизо позволит реинтегрировать философскую концепцию интеллектуала в современный политико-философский дискурс, поможет пролить свет на философские истоки французского либерализма, продемонстрировать соотношение этой идеологии с демократической традицией, а также даст возможность увидеть сложную рефлексию относительно статуса философских проблем в политической практике.

Ключевые слова: Франсуа Гизо, политическая философия, эпоха Реставрации, суверенитет, свобода, власть, политическая теория, история идей, Франция, государство.

Корпус классиков политической теории, репрезентация которого предложена в многочисленных учебниках, включает в себя общепринятый перечень выдающихся философов: от великих теоретиков Античности – Платона, Аристотеля, Цицерона, до «золотого века политической философии» – Н. Макиавелли, Ж. Бодена, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Дж. Локка, Ш.Л. Монтескье, Д. Юма, И. Бентама, И. Канта. Однако от этого единодушия не остается и следа, когда речь заходит о перечне важнейших мыслителей постклассического периода (после 1800 г.), канон которого не сформирован¹. Исключение составляют немногочисленные и очевидные имена, такие как Г. Гегель и К. Маркс. Однако, например, А. де Токвиль не рассматривается в популярнейшем учебнике Дж. Сэбайна², однако

он, как никто другой, близок к попаданию в канон, поскольку абсолютное большинство историков политической мысли видят в нем главного аналитика демократии³. Немаловажную роль по-прежнему играет национальная принадлежность автора (и политического теоретика, и историка политической философии). Так Ф. Анкерсмит считает, что У. Штайнфорт обходит молчанием утилитаристов – И. Бентама, Дж. Милля – лишь потому, что они показались ему «чересчур английскими», однако у немецкого автора есть глава о М. Вебере, имя которого далеко не всегда попадает в десятку самых популярных политических теоретиков в англосаксонских учебниках. Аналогичная ситуация сложилась

¹ См.: Анкерсмит Ф. Политическая репрезентация. М., 2012. С. 23.

² Sabine G.H. A History of Political Theory. L., 1968.

³ См.: Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М., 2010; Prélôt M. Histoire des idées politiques. Paris, 1970; Arnhart L. Political Questions. N.Y., 1987; Macfarlan L. Modern Political Theory. Oxford, 1970; Rafael D.D. Problem of Political Philosophy. L., 1976; McClelland J.S. A History of Western Political Thought. L., 1996.

Данное научное исследование (№ 13-05-0037) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета Высшей школы экономики» в 2013–2014 гг.

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.10.13016

1405

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

лась по отношению к целому ряду французских политических мыслителей первой половины XIX в., чьи имена малоизвестны в англосаксонской традиции, а идеи часто искажены.

Философия Франсуа Гизо осталась практически неизвестной политическим теоретикам англоязычного мира⁴. В корпус научной классики, благодаря ярким дарованиям автора, вошли исторические работы. Однако его интеллектуальная деятельность не ограничивалась областью истории: он компилировал справочники, составлял словари, писал статьи по литературе, педагогике и искусству, а также был автором философских сочинений. Политические трактаты Гизо выражают «дух эпохи», беспокойного и необычайно динамичного периода 1789–1848 гг. Мощные потрясения европейского порядка, крах монархии во Франции, завоевания и перегибы революции, многочисленные войны наполеоновской эпохи и ожесточенные дискуссии периода Реставрации нашли отражение в философии Гизо. Однако его имя не появляется ни в одной крупной антологии политической мысли, а большинство его политических сочинений никогда не были переведены на какие-либо языки. Ни одну ссылку на Гизо невозможно найти в престижной «Блэквелловской энциклопедии политической мысли», которая содержит пространные статьи даже по поводу очень малоизвестных фигур. Кроме того, случайные ссылки историков философии на Гизо обычно изображают его как незначительного политического мыслителя и некритически приписывают ему догматизм, присущий второразрядным умам⁵. Политическую философию Гизо характеризовали как слабый и скучный эклектизм, продукт усталости консерватора. Сам Гизо, по мнению некоторых исследователей, «любил повторяться, забывал использовать новые достижения и неточно оперировал терминами»⁶.

Ситуация в историографии начала меняться с появлением работы П. Розанваллона «Момент Гизо», которого окрестили «первооткрывателем» теоретического наследия Гизо⁷. Исследователь

определил период Реставрации и Июльской монархии как «концептуальное время французского либерализма»⁸ и органично поместил изыскания Гизо в контекст эпохи, показав их важность для современности. Работа дала импульс для переоценки наследия Гизо в первую очередь французскими политическими теоретиками и историками философии⁹. Отдельной темой исследования может быть преемственность политической мысли Гизо и Токвиля, признанного классика политической мысли¹⁰. Справедливости ради нужно оговориться, что задолго до П. Розанваллона советский историк и филолог Б. Реизов высоко оценил не только исторические, но и политические сочинения Гизо¹¹. Академик последовательно парировал выпады невнимательных критиков французского философа и игнорировал клише, сложившееся в советской историографии. В современной англоязычной историографии важнейшим исследователем и популяризатором политической мысли кружка доктринеров, к которым принадлежал Гизо, является А. Крейту¹².

Значение теоретических построений Гизо в целом и его политической теории, в частности, осмыслено далеко не полностью. Внимательное чтение работ французского мыслителя позволяет понять, что он отнюдь не интеллектуал второго ряда и имеет право называться одним из отцов-ос-

---

никова Ю.А. Публичность и парламентаризм в политической теории Ф. Гизо // Полис (Политические исследования). 2002. № 3 (68). С. 163–174.

⁸ Rosanvallon P. Le moment Guizot. Paris, 1985. P. 75.

⁹ См.: Manent P. Histoire intellectuelle du libéralisme. Paris, 1987. P. 93–103.

¹⁰ См.: Diez del Corral L. Tocqueville et la pensée politique des Doctrinaires // Alexis de Tocqueville. Livre de Centenaire. Paris, 1960. P. 57–70; Varouxakis G. Guizot's Historical Works and J.S. Mill's Reception of Tocqueville // History of Political Thought. 1999. № 2. P. 26–30; Craiutu A. Tocqueville and the Political Thought of the French Doctrinaires (Guizot, Royer-Collard, Rémusat) // History of Political Thought. 1999. Vol. XX. № 3. P. 456–493; Craiutu A. Liberalism Under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires. Oxford, 2005. P. 93–100; Дементьев И.О. Политическая теория Алексиса де Токвиля и французский либерализм первой половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2004.

¹¹ См.: Реизов Б.Г. Французская романтическая историография (1815–1830). М., 1956. С. 173–227.

¹² См.: Craiutu A. Tocqueville and the Political Thought of the French Doctrinaires (Guizot, Royer-Collard, Rémusat) // History of Political Thought. 1999. Vol. XX. № 3. P. 243–265; Craiutu A. Liberalism Under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires. Oxford, 2005.

⁴ См.: Craiutu A. Liberalism Under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires. Oxford, 2005. P. 39.

⁵ См.: Ruggiero G. The History of European Liberalism. Boston, 1959. P. 169.

⁶ Johnson D. Guizot: Aspects of French History, 1787–1874. L., 1963. P. 86.

⁷ См.: Craiutu A. Liberalism Under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires. Oxford, 2005. P. 35, 39; Крашенин-

нователей либерального государства во Франции. Как остроумно заметил А. Крейту: «Если сравнить историю политической мысли с фондовым рынком, Гизо будет одной из наиболее недооцененных акций, в которую мудро инвестировать»¹³.

Целью данной статьи является реконструкция политической философии Ф. Гизо, ее истоков, основных принципов и центральных проблем в контексте социально-политической реальности посленаполеоновской Франции.

Франсуа Пьер Гийом Гизо (1787–1874) родился в протестантской семье в Ниме. После того как его отец был казнен во время революционного террора, семья переехала в Женеву. Не совсем точны биографы, полагавшие, что мировоззрение Гизо сформировалось «без какого-либо семейного влияния»¹⁴. Под руководством матери он получил блестящее домашнее образование, изучал историю, философию, классические языки. С юных лет круг чтения Гизо был потрясающе широк: от сочинений греческих философов, отцов церкви до работ просветителей. Из последних чаще всего встречаются упоминания Монтескье¹⁵, которого вместе с А.Р. Тьюго и Ж.Л. д'Аламбером Гизо называет «благородными либералами»¹⁶. При обсуждении поправок в законопроект «О разделении производства при расследовании преступлений гражданских и военных лиц» (1837), он ссылается на Монтескье как на авторитет («comme dit Montesquieu»), что крайне нехарактерно для Гизо-политика. Вольтер, Руссо и Дидро – представители «неверующей партии»¹⁷ («parti incrédule») – иногда становятся объектом критики¹⁸, но чаще являются для Гизо лишь персонажами прошлого, которыми он мало интересуется¹⁹. Великими историками Гизо называет Фукидида, Саллюстия, Цезаря, Тацита и Макиавелли²⁰. Особым источником политиче-

ских воззрений французского мыслителя является английский опыт. Именно обращение к этому опыту сближает Гизо с Монтескье.

Конфессиональная принадлежность не сыграла сколько-нибудь значительной роли и не отразилась ни в одном из политических текстов мыслителя за пределами формальных риторических ссылок на «волю Провидения» и «глас Божий». Отдельным предметом изучения могут быть поздние работы Гизо, написанные в русле христианской философии²¹. В 1805 г. Гизо поступает на юридический факультет Сорбонны и вскоре попадает в важнейшие интеллектуальные круги своего времени, завязав знакомство с Ф.Р. Шатобрианом и Ж. де Сталь. Работа гувернером в семье швейцарского посла и страстного кантоница Ф.-А. Стапфера помогла Гизо овладеть немецким языком, познакомиться с учением И. Канта и философским движением в современной ему Германии.

В своих воспоминаниях Гизо признавался, что сразу после приезда в Париж немецкая философия и литература стали предметом его любимых штудий: «Я читал Канта и Клопштока, Гердера и Шиллера гораздо больше, чем Кондильяка и Вольтера»²². Немецкие философы в его понимании несли «дух истинной свободы» и учили уважать права других. «Я больше узнал от них, чем из всей практической деятельности того времени»²³, – признавался Гизо. Он отмечал также, что во французских интеллектуальных кругах его «немецкий энтузиазм» выглядел странно: «Некоторые принимали его со снисходительной улыбкой, но в основном это было просто безразличие»²⁴. В зрелые годы Гизо обращался к Канту и немецкой мысли значительно реже.

Необходимо учитывать тот факт, что мировоззрение Гизо, отраженное в его политических трактатах, определялось в первую очередь политическими реалиями посленаполеоновской Франции. И в этом смысле он принадлежал к мыслителям, преобразовывавшим государственно-правовые

¹³ Craiutu A. *Liberalism Under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires*. Oxford, 2005. P. 41.

¹⁴ См.: Pouthas Ch.-H. *Le Jeunesse de François Guizot*. Paris, 1937. P. 19; Реизов Б.Г. *Французская романтическая историография (1815–1830)*. М., 1956. С. 173.

¹⁵ Guizot F. *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*. Vol. 1. Paris, 1858. P. 396; Ibid. Vol 2. P. 403–405.

¹⁶ Ibid. Vol. 2. P. 398.

¹⁷ Ibid. Vol. 1. P. 274.

¹⁸ Ibid. P. 378.

¹⁹ Ibid. Vol. 2. P. 405.

²⁰ Ibid. Vol. 1. P. 3.

²¹ См.: Guizot F. *Méditations sur l'essence de la religion chrétienne*. Paris, 1864; Guizot F. *Méditations sur l'état actuel de la religion chrétienne*. Paris, 1866; Guizot F. *Méditations sur la religion chrétienne dans ses rapports avec l'état actuel des sociétés et des esprits*. Paris, 1868.

²² Guizot F. *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*. Vol. 1. Paris, 1858. P. 8.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

теории и понятия под влиянием политических событий. Как отмечал К. Шмитт, «новые злободневные вопросы могут вызывать к жизни новый социологический интерес и реакцию против “формального” метода рассмотрения государственно-правовых проблем»²⁵. Однако в процессе своего становления как политического мыслителя Гизо испытал значительное влияние философии Просвещения, в первую очередь работ Монтескьё, и идеологии фельянов (предшественников доктринеров). Умолчание Гизо об источниках, используемых им в основных политических сочинениях, не было странным явлением для того времени. Заимствуя методы, стилистику или идеи, мыслитель, как и многие его современники, не только не делает ссылок, но даже не упоминает авторов, что затрудняет реконструкцию идейных влияний.

Первым опубликованным текстом Гизо стал «Обзор философии и литературы за 1807 год», написанный для «Публициста» («Le Publiciste»). Позже были статьи для исторического сборника Ж. Мишо «Biographie Universelle». Затем вышла книга – лучший на момент издания «Новый словарь синонимов французского языка»²⁶. Это был дебют долгой и удивительной интеллектуальной карьеры, которая закончилась семьдесят лет спустя.

Центральной проблемой всех политических дискуссий эпохи было отношение к наследию революции и его месту в политической системе Франции. Сто дней и вторая Реставрация подняли проблему создания устойчивого государственного порядка, которую не мог обойти ни один политический теоретик. Эти вопросы становились частью «la vie sérieuse», вплетаясь в традиционные споры о суверенитете и легитимизме, свободе и власти, деспотизме и анархии.

Политическая теория Гизо ясно сформулирована в исторических и философских сочинениях мыслителя, таких как «Некоторые соображения по вопросу свободы прессы»²⁷, «Представительное правление и текущее состояние Франции»²⁸, «О средствах правления и оппозиции в совре-

менной Франции»²⁹, «О смертной казни за политические преступления»³⁰, «История цивилизации в Европе»³¹, «Политическая философия о суверенитете»³², а также в «Мемуарах»³³.

Как было сказано выше, большое влияние на политическую философию Гизо оказала его государственная карьера, начавшаяся в 1814 г., когда он по поручению министра внутренних дел Ф.-К. Монтескью подготовил записку «О состоянии умов во Франции», после чего был назначен секретарем в его ведомстве. Тогда же проявились определенные очертания политических взглядов мыслителя. Признавая «без меры и без удержу» гений Бонапарта, его многочисленные таланты, экстраординарную энергию и «глубокий инстинкт правителя», Гизо критиковал деспотизм императорской власти, рыхлость общественной структуры огромного государства, интеллектуальный упадок элит, отсутствие свободы³⁴. Именно поэтому он приветствовал возвращение Бурбонов и примкнул к легитимистам.

В записке «О состоянии умов...» Гизо впервые высказал идею о необходимости широкой социальной платформы для устойчивости государственной власти. Существование множества партий делает маловероятным прочные политические коалиции, поэтому продуктивнее опираться не на партии, а на максимально широкие группы населения, «на всю Францию». Реставрация должна утвердить свое положение и создать внутреннее равновесие для развития общества³⁵. Записка явно была направлена против ультрароялистов и содержала первые наброски социально-политических взглядов, лежавших в основе всей государственной и интеллектуальной деятельности Гизо.

²⁵ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 30.

²⁶ Guizot F. Nouveau Dictionnaire universel des synonymes de la langue française. Paris, 1809.

²⁷ Guizot F. Quelques idées sur la liberté de la presse. Paris, 1814.

²⁸ Guizot F. Du gouvernement représentatif et de l'état actuel de la France. Paris, 1816.

²⁹ Guizot F. Des moyens de gouvernement et d'opposition dans l'état actuel de la France. Paris, 1821; Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции в современной Франции // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 263–506.

³⁰ Guizot F. De la peine de mort en matière politique. Paris, 1822.

³¹ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М., 2007.

³² Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 507–588.

³³ Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Vol. 1–8. Paris, 1858–1867.

³⁴ См.: Ibid. Vol. 1. P. 5.

³⁵ См.: Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М., 2007. С. 28–29.

Молодой чиновник в частных беседах и открытых дискуссиях выступал за глубокую социальную реформу, которая позволит обеспечить политический мир. Он не устал повторять, что с революционных времен люди никак не изменились, а императорский режим лишь дисциплинировал, но не реформировал: «Массы, как и эмигранты, ничего не забыли и ничему не научились» («n'avaient rien oublié ni rien appris»)³⁶.

В предисловии и примечаниях к переводу работы Ф. Ансильона «Философские сочинения и новые литературные и философские компиляции» Гизо вновь доказывал необходимость опоры на все слои населения и рассматривал Францию как наследие революции³⁷. Он призывает принять это наследие и расценивать его с точки зрения благих результатов, а не «буйств» и крайностей, в которые страна впадала в моменты политических кризисов. В июне 1818 г. взгляд Гизо на революцию ставится более осторожным, он заявляет, что она как дело разрушения закончена, но как дело созидания только начинается.

Осенью 1817 г. окончательно складывается группа доктринеров, оформившаяся вместе с организацией «правой» (в январе) и «левой» (в августе того же года) групп. Две крайние партии, по мнению Гизо, ориентировались исключительно на прошлое. Левые отвергали настоящее во имя революции, а правые – во имя Старого порядка. Только доктринеры, согласно Гизо, увидели уникальность текущего момента и, основываясь на конституционной хартии, создали центристскую доктрину или «философию реставрации»³⁸. Публично о необходимости правительственной доктрины для «легитимной власти» впервые заявил П.П. Руайе-Коллар с университетской кафедры 19 августа 1815 г. В 1816 г. Гизо утверждал, что правительство должно иметь политическую доктрину, а также социальную и нравственную философию. В качестве философской задачи доктринеров (и своей собственной) Гизо видел примирение Старого порядка и революции: «Доктрины, от имени которых уничтожали старое общество, должны смениться доктринами, которые позволят создать новую

Францию»³⁹. Доктринеры не представляли собой политическую партию в надлежащем смысле, а были небольшой, но влиятельной группой, члены которой «могли разместиться на одном диване». Убежденные, что идея конституционной монархии способна соотнести идеалы 1789 г. с королевской властью и стать тем государственно-правовым фундаментом, который необходим обществу, они старались примирить свободу с порядком, конституционный образ правления с сильным правительством.

Интенсивное участие в государственной жизни на фоне блестящего гуманитарного образования способствовало трансформации политических воззрений Гизо в философскую систему, первые наброски к которой появились в трактате «Представительное правление и текущее состояние Франции». Автор выступил как убежденный легитимист и сторонник сильного правительства, способного противостоять экстремистским партиям, действия которых могут уничтожить свободу, нарушить мир и порядок⁴⁰. Гизо уравнивает правый и левый экстремизм из-за сходства их последствий. Опыт Бесподобной (по реакционности) палаты укрепил уверенность мыслителя в том, что для победы свободы, порядка и справедливости необходим союз сильного правительства и народа, закрепленный в конституционной хартии 1814 г.⁴¹

Между тем случайность изменила политику Людовика XVIII, судьбу доктринеров и философию Гизо: 13 февраля 1820 г. при выходе из оперного театра был смертельно ранен рабочим второй сын графа д'Артуа герцог Беррийский. Гизо вместе с другими доктринерами был удален из правительства.

Отойдя от дел, он посвятил себя теоретической работе и вскоре издал свой первый большой политико-философский трактат «О средствах правления и оппозиции в современной Франции». С первых страниц этого сочинения становится заметна новая позиция Гизо, сочетающая в себе либеральные и консервативные ценности⁴². Свобода – основополагающая идея либерализма – невозможна без порядка, а порядок невозможен без

³⁶ Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Vol. 1. Paris, 1858. P. 26.

³⁷ Ibid. P. 28.

³⁸ См.: Реизов Б.Г. Французская романтическая историография (1815–1830). М., 1956. С. 178.

³⁹ Ibid. P. 158.

⁴⁰ Guizot F. Du gouvernement représentatif et de l'état actuel de la France. Paris, 1816. P. VI–VII.

⁴¹ Ibid. P. 4–5, 21–22.

⁴² См.: Rémond R. La droite en France de la première Restauration a la V-ème République. Paris, 1963. P. 93.

сильной центральной власти. Для создания фундамента свободы необходимо конституционное правление, гарантирующее права граждан⁴³. Цель всякого правления заключается в безопасности настоящего, которая подготавливает и гарантирует безопасность будущего. Гизо убежден, что во время реакции в опасности находится не только свобода, но и сама власть⁴⁴. Примирение власти и свободы поможет в борьбе с экстремистскими силами, цель которых не допустить подобного союза: правые (роялисты) посягают на свободу, которая кажется им непомерно большой, левые (революционеры) посягают на власть, которая видится им чересчур сильной. Власть должна даровать людям безопасность и успокоение, получение которых делает граждан трудолюбивыми и усердными по отношению к государству⁴⁵. Создание прочной основы для правительства является сложным и кропотливым делом, успех которого зависит от союза между властью и гражданами. Однако со стороны последних участниками союза становятся далеко не все, а только представители «среднего класса», концепция которого была изложена Гизо в мемуарах.

Из всех общественных слоев именно «средний класс», по мнению мыслителя, должен оказывать решающее влияние на функционирование политической системы, поскольку он обладает «политическим разумом» и чувством справедливости. Одна из основных задач правительства – создание условий для того, «чтобы естественным путем социальные институты постепенно повышали число людей с соответствующим уровнем интеллекта и независимости, что сделало бы их достойными участия в осуществлении политической власти»⁴⁶.

В годы реакции (1820–1826) Гизо также начал работать над важнейшим трактатом «Политическая философия о суверенитете». Первая часть этого сочинения была посвящена уточнению концепции суверенитета, которая на тот момент занимала центральное место во французской политической мысли. Разработка этой проблемы – одно из наиболее популярных и плодотворных

направлений во французской политической философии XIX столетия⁴⁷.

Во французском интеллектуальном пространстве начала XIX в. существовало несколько интерпретаций основания верховной власти: традиционалистская модель Ж. де Местра и Л. де Бональда; концепция суверенитета народной воли Ж.-Ж. Руссо, развитая Б. Констаном; либеральная теория суверенитета абстрактного права. Позиция Гизо приближалась к последнему варианту, поскольку его не беспокоила проблема реальности субъекта высшей власти.

Как и во многих других вопросах, Гизо начинает анализировать суверенитет с истории проблемы и обнаруживает историческое существование разных форм этого явления: «В области правления наши отцы видели, как на руинах права сильнейшего поднимается божественное право королей; сами же мы были свидетелями провозглашения суверенитета народа на руинах божественного права королей. Отвергая прежнего господина, люди не утратили надежды наконец получить правителя, который бы не смог лишиться власти и которого бы у них не было ни нужды, ни права свергать»⁴⁸. Гизо уличает традиционалистов и сторонников народной воли в логической незавершенности их концепций: «Когда люди вознамерились обосновать суверенитет королей, они сказали, что короли суть образ Бога на земле. Когда они захотели обосновать суверенитет народа, было объявлено, что глас народа есть глас Божий»⁴⁹. Признавая Бога единственно суверенным, Гизо фактически лишает суверенитет реальной субъектности. Политическое объяснение этому очевидно: доктринер-центрист руководствовался задачей устранить опасность легитимации тирании как «справа», так и «слева». Он и сам признается, что, поскольку ни одна власть в этом мире не является и не может быть тем, чем она должна быть, никто не имеет права называть себя сувереном⁵⁰. Ведь признать какой-либо реальный субъект сувереном означало бы признать его абсолютную власть и непогреши-

⁴³ См.: Guizot F. Des moyens de gouvernement et d'opposition dans l'état actuel de la France. Paris, 1821. P. 7.

⁴⁴ См.: Ibid. P. 1.

⁴⁵ См.: Ibid. P. 13–16.

⁴⁶ Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Vol. 1. Paris, 1858. P. 346.

⁴⁷ См., подробнее: Матвеев С.Р. Концепция суверенитета в политической философии Франсуа Гизо // Политика и общество. 2014. № 6. С. 689–699. (DOI: 10.7256/1812-8696.2014.6.12364).

⁴⁸ Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 508.

⁴⁹ Там же. С. 514.

⁵⁰ Там же. С. 517.

мость, т.е. реифицировать символы. Однако никакая абсолютная власть не может быть легитимной, поскольку потенциально она не исключает произвол, следовательно, на земле вовсе не существует ни суверенитета, ни суверена. Ни народ (и отдельные его представители), ни монарх не могут претендовать на высшую произвольную власть правителя и существовать вне нормально действующего правопорядка.

Через проблему суверенитета Гизо переходит к принципу разделения властей. Фактический суверенитет, существующий где бы то ни было, подлежит разделению, чтобы предотвратить узурпацию власти и подвести людей под господство «единственно легитимного суверена» (разума, истины, справедливости). Фактический суверенитет должен быть плодом усилия, «результатом сближения и столкновения властей независимых, равных и способных принудить друг друга к совместным поискам истины, дабы объединиться лишь в лоне ее»⁵¹. В отличие от Монтескьё Гизо сосредотачивает внимание не на равновесии и балансе властей, называя такую идиллию «пустым словом» и «химерой», но на их борьбе и труде. Мудрое управление этой борьбой с целью слияния властей «в лоне подлинного единства» – трудная задача, опасность которой заключается в возможности обретения чрезмерного превосходства одной из властей⁵².

До Гизо суверенитет рассматривали как нечто, присущее какой-либо форме правления. В частности, Руссо, идеализируя «естественное состояние», предполагал, что в этом состоянии каждый был сувереном самого себя, а человеческий род не был поделен «на стада скота, каждое из которых имеет вожака, оберегающего свое стадо для того, чтобы затем его сожрать»⁵³. Отсутствие сконцентрированного в одних руках суверенитета подтолкнуло великого женева рассматривать первобытное общество в качестве образца свободы и счастья. Гизо полагает, что, если не существовало суверена, который бы управлял всеми, то таким сувереном был любой: «Причем он был сувереном не только по отношению к самому себе,

но и против всех остальных, со всей неизбежностью грубой силы и всеми капризами ничем не сдерживаемой воли»⁵⁴.

Гизо убежден, что правление не является ни продуктом силы, ни итогом соглашения, а общественный договор, связывающий людей с законами справедливости и истины, не является результатом творчества человека, равно как и сами эти законы: «Это божественный договор, в который рукой Всевышнего вписаны правила всех человеческих взаимоотношений, он устанавливает взаимные обязательства между правлением и обществом именно в силу того, что является высшим по отношению к ним обоим»⁵⁵. Мыслитель подкрепляет это логическим аргументом: человек не властен разорвать этот договор или безнаказанно забыть о его существовании на долгое время.

Гизо не предпринимает попытку создать собственную классификацию форм правления, на что были направлены усилия многих политических философов. Более того, он полагает, что любое подобное построение произвольно и обманчиво, поскольку основывается на неких чертах и отличиях, которые искали то в формах правления, то в некоторых его проявлениях. Таким образом получали монархию, аристократию, демократию: «...все эти названия не только вскрывают принцип, сколько отражают факты, они заимствованы из внешней формы правления, и не затрагивают его внутренней природы и его законов»⁵⁶. Многие философы, в частности Монтескьё, решали задачу форм правления чисто теоретическим путем. В отличие от предшественников Гизо мыслит исторически. Если для Монтескьё существуют принципы монархии, деспотизма, республики, обнаруживающиеся в различные периоды и в различных странах, то для Гизо существуют только конкретные исторические обстоятельства, конструирующие те или иные политические формы, лишь внешне схожие.

Многие биографы записывают молодого Гизо в лагерь легитимистов, сторонников концепции Ш.М. Талейрана и Ф.Р. Шатобриана, которые утверждали, что легитимность королевской власти представляет «защитный оплот для

⁵¹ Там же. С. 537.

⁵² См.: там же. С. 539.

⁵³ Руссо Ж.-Ж. Общественный договор или Начала политического права // Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. СПб., 2013. С. 118.

⁵⁴ Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 518.

⁵⁵ Там же. С. 525.

⁵⁶ Там же.

народов», почему она и должна быть священна. Если Талейран говорит о легитимности власти вообще, независимо от формы правления («При легитимной власти, будет ли она монархической или республиканской, наследственной или выборной, аристократической или демократической, самое ее существование, форма и способ действия укреплены и освещены долгой чередой лет»⁵⁷), то Шатобриан рассуждает лишь о легитимности монархии в целом и французской монархии в частности⁵⁸.

Действительно, Гизо поддержал идею реставрации династии Бурбонов в 1814 г., однако его концепция легитимизма, став важной частью политической теории, существенно отличалась от построений предшественников. Во-первых, она была связана с проблемой суверенитета: поскольку никакая человеческая власть по природе не может обладать всей полнотой суверенитета, то никакая власть равным образом не может претендовать и на неотчуждаемость, т.е. она «не может утверждать, что в любом случае ее падение не будет легитимным...»⁵⁹ Чтобы привести примеры законно свергнутых правлений, Гизо обращается к истории: «Так ли уж были неправы бравые конфедераты Рютли, освободившие Швейцарию от австрийского ига? (...) Такой ли уж незаконной была борьба против [деспотизма Робеспьера] и замена его иным правлением?»⁶⁰ Гизо убежден, что следует защищать право власти, но право не ее действий, а ее происхождения⁶¹. Признавая существование «легитимных и необходимых» революций и войн, Гизо все же считал их исключениями из правила и призывал парламент (в январе 1848 г.) «ограничивать их насколько это возможно»⁶².

Во-вторых, концепция Гизо предполагает потенциальную легитимность любой государственной системы, а не только монархии, при которой политическая легитимность предстает в специфич-

ческой и более очевидной форме. Однако принцип, лежащий в ее основе, и его следствия встречаются во всех обществах, во всех системах правления: «Повсюду эта черта где-либо да присутствует, связанная с каким-либо институтом». В монархии она закреплена за престолом короля, в республике – за конституцией⁶³. По мнению мыслителя, сама природа человека вызвала к жизни принцип легитимизма, который пронизывает все правления, но лишь наилучшие из них сохраняют легитимность (в современном обществе это происходит при голосовании)⁶⁴.

Вслед за Локком («Размышления о славной революции 1688») Гизо признает право на восстание: «Будь то старая или новая тирания и каковы бы ни были противники, под чьими ударами она пала, ее крах был столь же легитимен, сколь и их сопротивление, ибо сопротивление, как и власть, черпает свое право в своей моральной легитимности...»⁶⁵ Однако в позиции Гизо отчетливо прослеживаются рефлексия по поводу событий Французской революции и антидемократизм. Во-первых, он напоминает, что сопротивление связано с незаконными действиями, и случаи, когда оно представляется необходимым, достаточно редки и достойны сожаления. Во-вторых, он считает, что это право не может быть раз и навсегда узурпировано ни одной волей, в том числе народной: «Если действительно будет доказано – а пока что это не так, – что сила, вершащая судьбы государств, заключена в народе, т.е. в большинстве, народ не получит от этого никакого права восставать против своего правительства и изменять его в соответствии с капризами собственной воли»⁶⁶.

Во время роялистской реакции начала 1820-х гг. Гизо возвращается к университетскому преподаванию и читает курс «Возникновение представительного правления», базирующийся на одноименном трактате 1816 г., но построенный с учетом текущих проблем. Мыслитель как никогда ранее политизирован и рассматривает лекции как средство подготовки доктринеров «под огнем неприятеля». Именно по этой причине пре-

⁵⁷ Талейран Ш.М. Мемуары. М., 1959. С. 295.

⁵⁸ См.: Шатобриан Ф.Р. Бонапарте и Бурбоны. СПб., 1814. С. 6–8.

⁵⁹ Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 540.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ См.: там же.

⁶² Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. Vol. 5. Paris, 1864. P. 539.

⁶³ См.: Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 541–542.

⁶⁴ См.: там же. С. 545.

⁶⁵ Там же. С. 541.

⁶⁶ Там же. С. 548.

подавание длилось недолго: 12 октября 1822 г. курс был запрещен. Следующие четыре года Гизо посвящает себя ремеслу историка и издает собрание документов по французскому Средневековью, а также двухтомную «Историю Английской революции».

Формирование умеренного министерства Ж. Мартиньяка вернуло Гизо кафедру в Сорбонне. Мыслителю вновь было разрешено читать лекции, и 9 апреля 1826 г. он неожиданно для себя прочел вступительную лекцию своего знаменитого курса «История цивилизации в Европе». Гизо не перестал быть политизированным интеллектуалом, но заявил о том, что собирается внести в занятия «спокойствие и умеренность»⁶⁷.

В «Истории цивилизации в Европе» Гизо уточнил многие положения своей политической философии. В частности, он решает проблему наследия революции при помощи идеи эволюции, которая составляет содержание исторического процесса. Определить направление, формы, а может быть, и цель ее есть основная задача всякого исторического исследования. На этом этапе у Гизо политическая философия переплетается с философией истории. Трудно примириться с мыслью, что страдания и катастрофы (для поколения Гизо это в первую очередь ужасы революции и последующих войн), пережитые человечеством, не имеют цели и смысла. Гизо оправдывает революцию как часть закономерного исторического развития, которое он трактует как целесообразность: «...цивилизация есть прогресс, развитие; термин этот связан с представлением о народе, который движется вперед, – и движется для того, чтобы переменить не только место, но и состояние, – о народе, жизнь которого все более и более расширяется и улучшается»⁶⁸. Мыслитель считает, что цивилизацию не стоит искать в каком-либо одном европейском государстве, элементы ее истории могут оказаться то во Франции, то в Англии, то в Германии, то в Италии или Испании⁶⁹. Так революционная Франция в определенный момент стала ядром и локомотивом цивилизации в Европе.

Гизо готов оправдать даже самые отрицательные явления политической жизни, такие

как анархия и деспотизм, если они содействовали в чем-нибудь цивилизации, заставили ее сделать значительный шаг вперед: «Там, где только признают существование цивилизации и фактов, содействовавших ей, невольно забывают цену, которую она куплена»⁷⁰. Таким образом, идея Гизо примыкает к известной гегелевской формуле, согласно которой «все действительное разумно».

Закономерность исторического процесса, важнейший принцип историософии Гизо, ставит перед автором новую проблему: как соотносятся необходимость и свобода? Мыслитель часто пишет, что необходимость в чем-либо часто осознана людьми, но далеко не всегда признается добровольно⁷¹. Он отстаивает принцип личной свободы, оговариваясь, что человек лишь тогда подлинно свободен, когда решает задачи, продиктованные историей, т.е. «свободно» осуществляет план, который «необходимо» должен быть выполнен.

Гизо принял революцию 1830 г. и во время Июльской монархии занимал различные посты, которые сделали его одной из самых влиятельных и противоречивых фигур этого времени. Он практически не писал на политические темы, к которым вернулся лишь после бесславной отставки в 1848 г. Книга «О демократии во Франции», написанная в ультраконсервативном духе, стала лебединой песней политической философии Гизо, но не несла оригинальных идей.

Специалисты и обыватели любят истории политического успеха и склонны сверху вниз смотреть на тех, кого (справедливо или несправедливо) считают «проигравшими». Предметом размышлений Гизо были основные категории политической философии первой половины XIX столетия, такие как суверенитет и легитимность, свобода и порядок, анархия и деспотизм. Однако его политическая мысль надолго стала восприниматься как философия провала. В действительности она не только смогла ответить на многие вопросы эпохи Реставрации, а явилась частью сложной теоретической системы Франсуа Гизо, понимание которой еще не достигнуто.

⁶⁷ См.: Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М., 2007. С. 16.

⁶⁸ См.: там же. С. 24.

⁶⁹ См.: там же. С. 17.

⁷⁰ Там же. С. 20.

⁷¹ См.: там же. С. 239, 299.

Список литературы:

1. Алиев Р.А. Зарождение идеи национального суверенитета // Право и политика. 2012. № 9. С. 1466-1470.
2. Анкерсмит Ф. Политическая репрезентация. М., 2012.
3. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М., 2007.
4. Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции в современной Франции // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 263-506.
5. Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 507-588.
6. Дементьев И.О. Политическая теория Алексиса де Токвиля и французский либерализм первой половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2004.
7. Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М., 2010.
8. Крашенинникова Ю.А. Публичность и парламентаризм в политической теории Ф. Гизо // Полис (Политические исследования). 2002. № 3(68). С. 163-174.
9. Матвеев С.Р. Концепция суверенитета в политической философии Франсуа Гизо // Политика и общество. 2014. № 6. С. 689-699. (DOI: 10.7256/1812-8696.2014.6.12364).
10. Монтескьё Ш.Л. Дух законов. СПб., 1839.
11. Реизов Б.Г. Французская романтическая историография (1815-1830). М., 1956.
12. Руссо Ж.-Ж. Общественный договор или Начала политического права // Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. СПб., 2013.
13. Савельева И.М., Полетаев А.В. Классическое наследие. М., 2010.
14. Талейран Ш.М. Мемуары. М., 1959.
15. Шагобриан Ф.Р. Бонапарте и Бурбоны. СПб., 1814.
16. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.
17. Ancillon F. Essais philosophiques, ou nouveaux mélanges de littérature et de philosophie. Vol. 1. Paris, 1816.
18. Arnhart L. Political Questions. N.Y., 1987.
19. Craiutu A. Liberalism Under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires. Oxford, 2005.
20. Craiutu A. Tocqueville and the Political Thought of the French Doctrinaires (Guizot, Royer-Collard, Rémusat) // History of Political Thought. 1999. Vol. XX. № 3. P. 456-493.
21. Diez del Corral L. Tocqueville et la pensée politique des Doctrinaires // Alexis de Tocqueville. Livre de Centenaire. Paris, 1960. P. 57-70.
22. Guizot F. Collection des Mémoires relatifs à l'histoire de France, depuis la fondation de la monarchie jusqu'au 13e siècle, avec une introduction, des suppléments, des notices et des notes. 8 vol. Paris, 1823-1835.
23. Guizot F. De la peine de mort en matière politique. Paris, 1822.
24. Guizot F. Des moyens de gouvernement et d'opposition dans l'état actuel de la France. Paris, 1821.
25. Guizot F. Du gouvernement représentatif et de l'état actuel de la France. Paris, 1816.
26. Guizot F. Histoire de la Révolution d'Angleterre depuis l'avènement de Charles I, jusqu'à la restauration de Charles II. 2 vol. Paris, 1826-1827.
27. Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. Vol. 5. Paris, 1864.
28. Guizot F. Méditations sur l'essence de la religion chrétienne. Paris, 1864.
29. Guizot F. Méditations sur l'état actuel de la religion chrétienne. Paris, 1866.
30. Guizot F. Méditations sur la religion chrétienne dans ses rapports avec l'état actuel des sociétés et des esprits. Paris, 1868.
31. Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Vol. 1-8. Paris, 1858-1867.
32. Guizot F. Nouveau Dictionnaire universel des synonymes de la langue française. Paris, 1809.
33. Guizot F. Quelques idées sur la liberté de la presse. Paris, 1814.
34. Johnson D. Guizot: Aspects of French History, 1787-1874. L., 1963.
35. Macfarlan L. Modern Political Theory. Oxford, 1970.
36. Manent P. Histoire intellectuelle du libéralisme. Paris, 1987.
37. McClelland J.S. A History of Western Political Thought. L., 1996.
38. Miller D., Coleman J., Connolly W., Ryan A. (Eds.). The Blackwell Encyclopaedia of Political Thought. Oxford, 1987.

References (transliteration):

1. Aliev R.A. Zarozhdenie idei natsional'nogo suvereniteta // Pravo i politika. 2012. № 9. S. 1466-1470.
2. Ankersmit F. Politicheskaya reprezentatsiya. M., 2012.
3. Gizo F. Istoriya tsivilizatsii v Evrope. M., 2007.
4. Gizo F. O sredstvakh pravleniya i oppozitsii v sovremennoi Frantsii // Klassicheskii frantsuzskii liberalizm. M., 2000. S. 263-506.
5. Gizo F. Politicheskaya filosofiya: o suverenitete // Klassicheskii frantsuzskii liberalizm. M., 2000. S. 507-588.
6. Dement'ev I.O. Politicheskaya teoriya Aleksisa de Tokvilya i frantsuzskii liberalizm pervoi poloviny XIX v.: dis. ... kand. ist. nauk. Kaliningrad, 2004.

7. Kimlika U. *Sovremennaya politicheskaya filosofiya: vvedenie*. M., 2010.
8. Krasheninnikova Yu.A. *Publichnost' i parlamentarizm v politicheskoi teorii F. Gizo // Polis (Politicheskie issledovaniya)*. 2002. № 3(68). S. 163–174.
9. Matveev S.R. *Kontseptsiya suvereniteta v politicheskoi filosofii Fransua Gizo // Politika i obshchestvo*. 2014. № 6. S. 689–699. (DOI: 10.7256/1812-8696.2014.6.12364).
10. Monteski'e Sh.L. *Dukh zakonov*. SPb., 1839.
11. Reizov B.G. *Frantsuzskaya romanticheskaya istoriografiya (1815–1830)*. M., 1956.
12. Russo Zh.-Zh. *Obshchestvennyi dogovor ili Nachala politicheskogo prava // Russo Zh.-Zh. Politicheskie sochineniya*. SPb., 2013.
13. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Klassicheskoe nasledie*. M., 2010.
14. Taleiran Sh.M. *Memuary*. M., 1959.
15. Shatobrian F.R. *Bonaparte i Burbony*. SPb., 1814.
16. Shmitt K. *Politicheskaya teologiya*. M., 2000.
17. Ancillon F. *Essais philosophiques, ou nouveaux mélanges de littérature et de philosophie*. Vol. 1. Paris, 1816.
18. Arnhart L. *Political Questions*. N.Y., 1987.
19. Craiutu A. *Liberalism Under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires*. Oxford, 2005.
20. Craiutu A. *Tocqueville and the Political Thought of the French Doctrinaires (Guizot, Royer-Collard, Rémusat) // History of Political Thought*. 1999. Vol. XX. № 3. P. 456–493.
21. Diez del Corral L. *Tocqueville et la pensée politique des Doctrinaires // Alexis de Tocqueville. Livre de Centenaire*. Paris, 1960. P. 57–70.
22. Guizot F. *Collection des Mémoires relatifs à l'histoire de France, depuis la fondation de la monarchie jusqu'au 13e siècle, avec une introduction, des suppléments, des notices et des notes*. 8 vol. Paris, 1823–1835.
23. Guizot F. *De la peine de mort en matière politique*. Paris, 1822.
24. Guizot F. *Des moyens de gouvernement et d'opposition dans l'état actuel de la France*. Paris, 1821.
25. Guizot F. *Du gouvernement représentatif et de l'état actuel de la France*. Paris, 1816.
26. Guizot F. *Histoire de la Révolution d'Angleterre depuis l'avènement de Charles I, jusqu'à la restauration de Charles II*. 2 vol. Paris, 1826–1827.
27. Guizot F. *L'Histoire parlementaire de la France*. Vol. 5. Paris, 1864.
28. Guizot F. *Méditations sur l'essence de la religion chrétienne*. Paris, 1864.
29. Guizot F. *Méditations sur l'état actuel de la religion chrétienne*. Paris, 1866.
30. Guizot F. *Méditations sur la religion chrétienne dans ses rapports avec l'état actuel des sociétés et des esprits*. Paris, 1868.
31. Guizot F. *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*. Vol. 1-8. Paris, 1858-1867.
32. Guizot F. *Nouveau Dictionnaire universel des synonymes de la langue française*. Paris, 1809.
33. Guizot F. *Quelques idées sur la liberté de la presse*. Paris, 1814.
34. Johnson D. *Guizot: Aspects of French History, 1787–1874*. L., 1963.
35. Macfarlan L. *Modern Political Theory*. Oxford, 1970.
36. Manent P. *Histoire intellectuelle du libéralisme*. Paris, 1987.
37. McClelland J.S. *A History of Western Political Thought*. L., 1996.
38. Miller D., Coleman J., Connolly W., Ryan A. (Eds.). *The Blackwell Encyclopaedia of Political Thought*. Oxford, 1987.